

Н.Л. ЗЫКОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАСТНЫХ ТОРГОВЦЕВ ИРКУТСКОГО ОКРУГА В 1927–1930 гг.

Со второй половины 1920-х гг. начинается процесс свертывания частной торговли. Наиболее активно ее ликвидация проводилась с 1927 г. В данных условиях предприниматели пытались найти выход из сложившейся ситуации. Одним из способов частных предпринимателей сохранить свои накопления являлся перевод их в золото и драгоценности. Особенно распространены они были в золотодобывающих районах, которым являлся и Иркутский округ. Большим спросом здесь пользовались золотая валюта царской чеканки и золото-сырец. Например, бывший золотопромышленник Томчик с помощью полученного в Иркутском отделении Госбанка кредита в сумме 12 тыс. р. оплатил свои векселя, купил 7 ведер спирта и обменял их на золото. Кредит был получен якобы на разработку арендованного Томчиком прииска (ГАНИИО, ф. 16, оп. 1, д. 640, л. 25).

Одним из самых распространенных способов сохранить капитал и уклониться от налогов явилось смещение частных предпринимателей в кустарную деятельность. Это объясняется характерным для исследуемой территории традиционным существованием мелкой кустарной промышленности и ее связью с частными торговцами (Там же, д. 52, л. 72). Товары, произведенные кустарями, в большинстве своем реализовывались с помощью частных торговцев. Так, в Иркутском округе до 50% кустарно-промысло-вой продукции попадало в руки частных торговцев. Это относилось к изделиям кожевенного, деревообделочного, сапожного кустарных промыслов. По сводкам Иркутской окружной комиссии, в 1927–1928 гг. некооперированные кустари обслуживались исключительно частным капиталом (Там же, д. 640, л. 41, 45). По мере ужесточения политики власти усиливается стремление частного капитала перенести свою деятельность в кустарную промышленность. Это выразилось в создании фиктивных кустарно-промысловых кооперативов и артелей. Этому способствовали особенности законодательства, которые не содержали четкой регламентации в отношении лиц, занятых в кустарной отрасли. Поэтому у органов власти не было формального повода запрещать деятельность какого-либо кооператива или артели, даже если налицо было присутствие в их составе частных предпринимателей. Кроме того, кустарям и кустарным артелям давались значительные налоговые льготы. Например, главой иркутской артели «Пищевик» являлся бывший владелец конфетной фабрики, компаньонами были его жена и четыре родственника, вторым совладельцем был бывший торговец с женой. В производстве имелось четверо рабочих. Глава артели как член правления получал зарплату, имел пай — 2500 р.,

и процент с оборудования. Владелец с женой, родственники и совладелец состояли в правлении и ревизионном комитете. Все они были лишены права голоса, кроме рабочих. Подобной являлась иркутская пимокатная артель «Волга», представлявшая собой видоизмененную бывшую частную фабрику, владельцы которой крупные частники Комаров и Иванов оформились членами артели. При этом они фактически оставались ее владельцами. Расположенная в Иркутске другая промыслово-кооперативная артель — «Сибиротабак», также являлась бывшей местной табачной фабрикой частного промышленника Варкалевича, который оформился как ее рядовой член, оставаясь на деле владельцем (ГАИО, ф.Р-312, оп. 1, д. 191, л. 127, 128). Под видом кооператива в поселке Слюдянка была создана сельскохозяйственная артель «Труд». Ее организаторы — бывший учитель, эсер, начальник милиции при Колчаке В.П. Сергеевский и группа местных скупщиков. Созданный кооператив местные жители называли «Плут-артель» (ГАНИИО, ф. 16, оп. 1, д. 305, л. 12). Бюллетени экономического отдела Иркутского ОГПУ за 1927/28 г. сообщали, что в Иркутске несколько частных торговцев колбасой в рамках кооперативной сети Иркооппромосоюза создали ряд лжекооперативов. Фактически оставаясь хозяевами кооперативов, они использовали даровый труд поденных рабочих. На подобный шаг их вынудили высокие налоги и невозможность легально продолжать торговлю (Там же, д. 671, л. 36). Подобных артелей и кооперативов было очень много. Так, в январе 1928 г. бывший владелец лесопильного завода на станции Китой Саравелли и крестьянин-собственник села Култук И.И. Кузьмин основали скипидарно-смолокурный завод. Предприятие было зарегистрировано под видом кооперативно-промысловой артели, председателем которой стал Саравелли. Кузьмин, как собственник, в артели не состоял, но фактически был ее вторым руководителем. Житель села Каменка Черемховского района крестьянин-собственник Гладышев, бывший владелец мельницы, и его компаньон Ташлыков построили водяную мельницу. Предприятие оформили под видом кооперативного товарищества «на вере» «Гладышев и К», где были зарегистрированы только Гладышев и Ташлыков. Окружной финотдел выдал ему освобождение от налога. Сюда вошли родственники Гладышева — бывшие купцы и часть состоятельных односельчан. Бедняки были оформлены членами товарищества в качестве наемных рабочих, но работали за гроши, с вычетом из зарплаты 30% в счет налога. Из прибыли, которую получало товарищество за перемол зерна, более 50% имели родственники владельца (Там же, л. 71–73; д. 671, л. 36).

Подобная практика достигла столь широкого распространения, что власть предприняла целый комплекс мер по ее пресечению. Организаторы и фактические руководители подобных лжеартелей привлекались к уголовной ответственности на разные сроки и к конфискации имуще-

тва. Так, Саравелли и Кузьмин, владельцы фиктивного товарищества, за которым скрывался скипидарно-смолокуренный завод, были осуждены на пять лет с конфискацией имущества. Подобную меру наказания получил и владелец фиктивной артели Гладышев (Там же, д. 640, л. 83). Несмотря на предпринимательские меры, их эффективность была небольшой, так как государство своей политикой само создавало почву для существования форм нелегальной предпринимательской деятельности. В отчете Иркутского окружкома об экономическом положении за 1927/28 г. отмечалось, что недостаток оборотных средств у частных торговцев и фирм, отказ им в кредитовании способствовали складыванию нелегального рынка. Например, в Иркутске, как говорилось в отчете, центральные улицы Урицкого, Ленина, Маркса покрылись вывесками кооперативных артелей. В то же время за ними скрываются частные предприятия. Таким образом, промысловая кооперация на 2/3 представляет собой одетые в защитную форму кооперации частные предприятия (Там же, л. 84). Иркутский окружком также выделял еще ряд тенденций в деятельности частных предпринимателей. Одной из них являлось паевое участие частника в каком-либо кооперативе, при этом он занимал там должность советского служащего, автоматически являясь и членом профсоюза. Такое положение давало гарантии в получении товаров. Например, приказчик Ольшевский (член профсоюза), служил в товариществе «Оборот», где имел вклад 9 тыс. р. Бухгалтер этого же предприятия Попов имел в товариществе пай в размере 6 тыс. р. (Там же, л. 101, 102). Другой тенденцией являлась работа частных предпринимателей в качестве сателлитов государственных и кооперативных торговых организаций (Там же, д. 305, л. 23,24). Информационные сводки окружного ОГПУ за апрель-май 1927 г. отмечали тесную увязку госторгов с частными торговцами и кустарями. Например, заведующий Иркутским масложирсиндикатом Андреев отпускал частникам по повышенной цене мыло, а потом направлял к ним покупателей. Он же выкупал и получал для частных торговцев патоку. Приказчик и кассир иркутского магазина «Акорт», входящего в государственную торговую сеть, отпускали артели скупщиков дефицитные товары, получая определенный пай с отпущенного товара. Заведующий торговым отделом этого же магазина Пономарев проводил заготовку кожаной обуви через местных кустарей. Также он отпускал им кожтовары для ее изготовления. В результате подобных операций цены в магазине на кожаные товары были значительно выше, чем государственные. Так, пара дамских ботинок «шевро» стоила 18 р., тогда как средняя фиксированная цена составляла от 14–15 р. за пару (Там же, л. 55–56). Таким образом, частники, вытесненные из легальной торговой деятельности, нашли себе применение в различных сферах, что способствовало складыванию обширного нелегального рынка в Иркутском округе.